

МАКС МАЛЛОВАН

АГАТА
И АРХЕОЛОГ

**МЕМУАРЫ МУЖА
АГАТЫ КРИСТИ**

Москва
2019

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8
М19

Max Mallowan
MALLOWAN'S MEMOIRS:
AGATHA AND THE ARCHAEOLOGIST

Mallowan's Memoirs © 1977 John Mallowan and Peter Mallowan.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE is a registered trademark
of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

<http://www.agathachristie.com>

В оформлении обложки использованы фотографии: Time Life
Pictures / Pix Inc. / The LIFE Picture Collection / Gettyimages.ru ;
Bettman / Gettyimages.ru

Маллован, Макс.

М19 Агата и археолог : мемуары мужа Агаты Кристи / Макс Маллован ; [пер. с англ. М. Цюрупы]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100204-6

Брак между Агатой Кристи и Максом Маллованом очень необычен — это союз между самым знаменитым мастером детективного романа и археологом с мировой известностью, чьи находки в Месопотамии стоят в одном ряду с важнейшими открытиями нашего времени.

В довоенные годы Агата Кристи сопровождала Маллована во все экспедиции в Египет и на Ближний Восток. Там она исполняла роль фотографа, документировала и обрабатывала находки. Биография Маллована позволяет увидеть неизвестную сторону жизни всемирно известной писательницы, а также прикоснуться к таинственному миру древних цивилизаций, вдохновивших Агату Кристи на написание романов «Убийство в Месопотамии», «Смерть на Ниле» и многих других.

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100204-6

В САМОМ НАЧАЛЕ

Я родился 6 мая 1904 года в Лондоне, в местечке Альберт-мэншнс¹, в квартире, выходящей окнами на Бэттерси-парк. Самое раннее, что я помню, — как наша приходящая прислуга взяла меня с собой куда-то в трущобы и там усадила на кухне, возле камина, рядом с ревушим огнём. Компания собралась самая простая, и мужчины были без пиджаков. Добрая и милая женщина, взявшая меня на эту прогулку, носила диккенсовское имя «мисс Петтигрю». Она велела мне ни за что не проговориться матери, где я побывал. Увы, судя по всему, я не мог хранить молчание, и какие-то детали моего восхитительного приключения в конце концов выплыли наружу. К моему огромному огорчению, миссис Петтигрю немедленно уволили за безответственное поведение — такие строгие тогда были нравы. Мой отец Фредерик родился в 1874 году и умер в Лондоне в возрасте восьмидесяти пяти лет. Родом он был из Австрии, а конкретно — из Штирии. У моего деда, имевшего славянское происхождение, которого, как и меня, звали Макс Маллован, была паровая мельница, удостоенная многих наград, в том числе золотой медали императора Франца Иосифа. После Первой мировой войны мельница сгорела дотла, а так как она не была застрахована, семья оказалась в отчаянном положении. Мой отец, в то время офицер Конной артиллерии, оставил службу в армии и отправился за границу попытать счастья.

Фредерик Маллован был прирождённым солдатом, артиллеристом. Он прекрасно умел обращаться как

¹ Альберт-мэншнс (англ. Albert Mansions) — район многоквартирных домов в Лондоне.

с людьми, так и с лошадьми, за которыми он ухаживал со вниманием и любовью. Он был несдержан на язык и, вполне в духе того времени, устроил как-то раз дуэль с товарищем-офицером. Когда я был маленьким, он с гордостью показывал мне шрам от удара саблей по голове и не мог объяснить, как ему удалось остаться в живых. Из всей отцовской службы в армии, кроме упомянутого эпизода, мне довелось узнать ещё один, и эпизод этот отражал характер отца, его склонность игнорировать приказы, казавшиеся ему неразумными. Во время манёвров на земле, известной тогда как Босния и Герцеговина, в середине лета он получил приказ вести свой эскадрон по дневной жаре в течение двенадцати часов обратно на базу. Отец стал единственным офицером, кто послушался приказа и провёл свой отряд ночью, по сравнительной прохладе. Он всегда придавал большое значение внешнему виду. Его отряд прибыл домой в безупречном состоянии и составил поразительный контраст с остальными батальонами: те были в полном изнеможении, причём каждый десятый солдат пострадал от теплового удара. За это успешное неповиновение командованию отца поставили к награде, и ничто не могло бы доставить ему большее удовольствие.

Отец без сожаления оставил армию, так как не видел в ней будущего. У него были неплохие перспективы: пройдя через когти континентальной образовательной системы, отец получил пусть и не блестящее, но весьма приличное всестороннее образование. Тяготы австрийских школ показались бы современному молодому поколению невыносимыми. От дома до школы — час пути, и отец выходил из дома в шесть утра, чтобы сквозь снег и лёд добраться к семи на занятия. Вечерами приходилось выполнять горы домашних заданий, и никто даже не пытался от них уклониться, боясь провалиться на выпускном экзамене. Завалить экзамен значило отпра-

виться в армию рядовым на пятилетний срок и навсегда лишиться возможности поступить в университет или в офицерский корпус. Фредерик успешно сдал экзамен. Как и многие другие члены нашей семьи, он развился поздно, но был умён, обладал выносливостью и твёрдым характером. Тем не менее в течение всей жизни ему потом снились кошмары, настолько много пришлось ему перенести в средней школе.

У отца имелись способности к химии, и вскоре он прекрасно устроился в Лондоне, открыв собственное дело и торгуя копррой¹, жирами и маслами. Позже он стал главным арбитром по вопросам качества в компании «Юнилевер», приобрёл большой авторитет в Сити и открыл международную практику. Однажды, выступая на процессе по делу о возможном пищевом отравлении, отец предложил съесть кусок подозрительного маргарина прямо в зале суда. Он любил подобные театральные жесты и вообще славился вздорным характером, особенно в молодые годы. Сварливый и неуживчивый нрав его не очень способствовал спокойной семейной жизни. Несмотря на этот недостаток, Фредерик, подобно моему прапрадеду, обладал даром легко улаживать конфликты. Во время Австро-венгерской войны 1866 года тот зарекомендовал себя как прекрасный военный врач, и император поручил ему оказывать помощь обеим сторонам.

Моя мать, в девичестве Дювивье, родилась в 1876 году и умерла в возрасте семидесяти четырёх лет. Больше пятидесяти лет мать прожила в Англии, но до конца своих дней оставалась истинной парижанкой. Отец её был инженером и изобретателем (подозреваю, что не очень успешным), а мать, Марта, — знаменитой оперной певицей, хорошо известной в Брюсселе

¹ **Копра** — сушёная мякоть кокосовых орехов. Используется для получения кокосового масла.

в восьмидесятых годах XIX века. Под именем Дювивье Марта пела партию Саломеи на премьере «Иродиады» Массне. Опера прошла с ошеломительным успехом. Карьера Марты продолжалась недолго. Методы её требовательного учителя, Реске, часто вели к перенапряжению голосового аппарата. В 1870 году Марта с отличием окончила консерваторию и пела с Шаляпиным, человеком, по её словам, всесторонне одарённым, прекрасным актёром и замечательной личностью. Мне довелось слышать Шаляпина в операх «Князь Игорь» и «Борис Годунов», и это было незабываемо. В прошлом портовый грузчик с Волги, он с непередаваемым вкусом пел «Блоху» и «Дубинушку». Мне запомнилось, как Фёдор Шаляпин сидел в зрительном зале Ковент-Гардена и своими большими руками восторженно аплодировал Томасу Бичему¹. Ещё моей бабушке довелось петь в опере Нового Орлеана со знаменитой Патти². Полвека спустя я увидел сцену, где она пела, и остановился в очаровательной гостинице во французском квартале, наверняка известной бабушке.

В ранней молодости Марта Дювивье сбежала с французским аристократом по имени де Вертуа и тайно вышла за него замуж без согласия родителей жениха. Родители возбудили судебное дело и смогли аннулировать брак. По французским законам того времени брак, заключённый при подобных обстоятельствах, могли аннулировать, если жених не достиг ещё двадцати одного года. Бабушка хорошо зарабатывала, устраивала пышные приёмы и с лёгкостью тратила всё, что имела. У неё было доброе сердце и бесшабашно весёлый характер. Именно от неё моя мать унаследовала артистическую

¹ **Томас Бичем** (1879 – 1961) — британский дирижёр, оперный и балетный импресарио.

² Вероятно, имеется в виду **Аделина Патти** (1843 – 1919), знаменитая итальянская оперная певица.

натуру и полное отсутствие деловой хватки. Мама, чрезмерно щедрая, открытая, весёлый товарищ и собеседник, любила находиться в обществе и чувствовала себя абсолютно счастливой только в городе. За город она ездила только для занятий живописью. Она была неожиданно талантливым копиистом и трижды скопировала «Моление о чаше» Эль Греко в полный размер.

Мама поглощала художественные романы, прочла всю классику и писала лирические стихотворения, на мой вкус, весьма неплохие. Некоторые из них печатались в серьёзных журналах, например, в «La Revue des Indépendants». Она с живостью и стилем читала лекции об искусстве и любила язык, что естественно для человека с романским темпераментом.

Любящая мать тряслась над детьми и обладала взглядами на воспитание, совершенно противоположными взглядам моего отца. Это не способствовало домашнему миру, потому что отец был по натуре тираном, хоть на деле и добрейшим из людей. Родители оба отличались эгоцентризмом и не умели идти на компромисс, поэтому отец искал покой вне дома, где появлялся редко и нерегулярно.

В общем, наша детская жизнь то и дело оживлялась бурными сценами и яростными ссорами, что порой действовало нам на нервы. Впрочем, вопреки распространённому мнению, постоянные ссоры родителей могут воспитать в детях стремление устроить свою семейную жизнь как можно лучше, когда придёт время. В этом смысле я должен благодарить отца и мать за то, что они укрепили меня в желании жить в мире с супругой и испытывать подобающее чувство вины после вспышек гнева. Полагаю, тот же эффект родители оказали на моего брата Сесила. Младший брат, Филип, никогда не был женат и отличался миролюбивым характером.

Как непросто беспристрастно рассказывать о собственных родителях и быть объективным в суждениях! Наверное, дело в любви-ненависти, как это сейчас называют. Я вспоминаю мать со смесью любви, радости и раздражения. В юности она отличалась, судя по всему, ослепительной красотой. Изящная средиземноморская брюнетка с карими глазами и безукоризненно чистым цветом лица, она также пользовалась успехом у мужчин благодаря живому нраву и непринуждённым манерам. Она была неугомонной и непосредственной. «Эх, мальчики, — говорила она, — нужно быть бодрее», — а мы всего лишь хотели, чтобы нас не беспокоили. Покойся с миром...

В мои четыре года, то есть примерно в 1908 году, мы переехали в Кенсингтон, в дом номер пятьдесят два по Бедфорд-гарденс, выходящей на Чёрч-стрит. Там был небольшой садик с кирпичной стеной, где я проводил свои первые раскопки. У меня сохранилась фотография осколков викторианского фарфора, извлечённых из глубин агатово-чёрной земли. В саду росло большое грушевое дерево, и мы обедались жёсткими и сладкими грушами Вильямс, иногда не без последствий. Ещё я помню, как по просьбе отца высовывался из окна и с помощью полицейского свистка подзывал двухколёсные экипажи, вместе с креслами-каталками стоявшие рядком в конце улицы. Пятничными вечерами мы с нетерпением ждали, когда из открытого окна донесутся звуки немецкого духового оркестра и восхитительно глубокий голос тромбона. В связи с этим мне вспоминается история великого пианиста Падеревского. Когда он был маленьким мальчиком, преподаватель музыки сказал ему: «Мой мальчик, ты прирождённый тромбонист, ты никогда не сможешь хорошо играть на фортепиано». Если бы Падеревский послушался, он тоже мог оказаться в немецком оркестре.

По утрам мы с няней отправлялись на прогулку в Кенсингтонские сады. Однажды мне крепко влетело за то, что я укусил аппетитную ручку своего брата Сесила, свисавшую из коляски. В садах мы гуляли по живописной оранжерее, огибая дворец, где когда-то среди ночи разбудили Викторию — сообщить, что она стала королевой. Мы останавливались возле маленького киоска, чтобы выпить по бутылочке вкуснейшего имбирного пива от Бейти. С волнением и ужасом наблюдали мы за собачьими боями с участием нашего чау-чау Чоуми. У чау-чау есть огромное преимущество: густые гривы мешают противникам ухватить их за шею.

Позже, в 1912 году, мы переехали в Уимблдон, на Мостин-роуд, и поселились в псевдотюдоровском бревенчатом доме под названием Болингброк. Здесь с лёгкостью могла разместиться семья из шестерых человек, а в саду хватило места для травяного теннисного корта. Мы снимали этот дом за пятьдесят два фунта в год. Отец любил большой теннис и научил нас в него играть, а главное, часто брал меня с собой в старый Уимблдон, в то время крошечный теннисный клуб, где мы могли наблюдать известных игроков тех времён в непосредственной близости: Нормана Брукса, Энтони Уилдинга, миссис Ламберт Чамберс, а также Макса Декюжи, часто срывававшегося на крик, если что-то шло не так.

В Уимблдоне я пошёл в Рокби, начальную школу, расположенную на улице под названием Даунс. Основателем школы был некто мистер Олив, неплохой латинист, но, судя по всему, человек, начисто лишённый чувства юмора. Школу он изначально назвал «Сент-Оливс» и взял в качестве девиза фразу «*Oliva semper viret*», в переводе звучащую как «Олива вечно зелена». Мистера Олива сменил его сын с партнёром по имени Дж. Р. Баттербери. Баттербери как-то сказал мне, что видел такое имя всего раз, в фантастическом романе

Уилки Коллинза — там его носил обычный вор. В возрасте восьми лет меня отдали в младший класс, где я тут же познакомился с основами древнегреческого языка. Учительницу звали мисс Вайнс, и она носила широкую соломенную шляпу, украшенную гроздьями винограда¹. Мисс Вайнс привила мне раннюю любовь к древнегреческому языку, который всегда приносил мне радость — в отличие от латыни, казавшейся по сравнению с ним скучнейшим предметом. Теперь я, конечно, рад, что справился и с латынью. В Рокби я провёл три или четыре года и прошёл все классы, от младшего до самого старшего. Вряд ли я где-то получил лучшее образование, чем там. После я года два бездельничал в средней школе. Самым запоминающимся персонажем в Рокби был учитель математики, прекрасный преподаватель по имени Дж. П. Ферье, уроженец острова Мэн. Мы с замиранием сердца слушали рассказ, как банк острова Мэн обанкротился, семья Ферье осталась без средств к существованию и Ферье пришлось заняться преподаванием. Ферье отличался вспыльчивостью, и ему запретили пользоваться палкой — обычным в те времена инструментом воспитания, — потому что считал, что для достижения результата наказывать так, чтобы ученик громко стонал, обычные вскрики не считались. Впрочем, учителем он был неплохим и явно преувеличивал собственную жестокость. Мне с трудом давалась алгебра, и я оставался среди последних учеников, пока однажды со мной не позанимался кузен, Джон Дювилье. Под руководством Джона я быстро разобрался, что к чему, и стал одним из лучших в классе. С тех пор я не забывал этот урок, и когда сам стал преподавать, держал в уме: если мои ученики чего-то не понимают, то виноват в этом я сам.

¹ Фамилия **Вайнс** (Vines) дословно переводится с английского как «виноградные лозы».

В Рокби я полюбил крикет, и до сих пор, с удовольствием наблюдая за этой чисто английской игрой прекрасным летним вечером, я вспоминаю школу. Крикет — это целая философия, и счастлив тот, кто может предаться этой игре, где период тихой и задумчивой сосредоточенности внезапно и совершенно неожиданно сменяется взрывом восторга. Подобные переживания делают жизнь насыщеннее. Только одного товарища по Рокби мне довелось встречать в дальнейшей жизни. Я говорю о Роберте Грейвзе¹, также получившем сильнейшее впечатление от нашего Дж. П. Ферье. Грейвз, один из самых выдающихся людей, вышедших из стен Рокби, стал известным писателем и превосходным поэтом.

Моё следующее учебное заведение, средняя школа Лансинг, стало после начальной школы грубым пробуждением. Я никогда не забуду мрачного впечатления, которое произвёл на меня Лансинг при моём первом визите туда холодным зимним вечером в январе 1917 года. Тогда я впервые увидел эти тюремные стены из серого гранита, обрамлённые тёмными галереями, одинокий силуэт высокой викторианской часовни, вытянувшийся длинным копьём на фоне безлесых сассекских холмов, и бурлящие воды реки Адур.

Эта безрадостная картина оставалась в моей памяти больше пятидесяти лет, пока я не вернулся в эти места летом, чтобы вновь увидеть прекрасно сохранившийся пейзаж. Он развернулся передо мной, ограниченный морем, в своей ни с чем не сравнимой прелести, не испорченный современными постройками, прекрасный первозданной красотой. Река Адур теперь плавно струилась серебряной лентой. И. Б. Гордон, наш проницательный воспитатель, предсказал когда-то, что рано или поздно я проникнусь красотой Лансинга, и не ошибся: когда я в конце концов вернулся туда, я ощутил себя, как,

¹ Роберт Грейвз (1895 – 1985) — британский поэт, романист и критик.

должно быть, чувствовали солдаты из наёмной армии Ксенофонта, когда после долгого пути из Месопотамии увидели Чёрное море и закричали: «Таласса! Таласса!»¹

Когда я покидал школу, Гордон, или Гордо, как мы его называли, написал моим родителям: «Думаю, он станет выдающимся человеком». Что ж, как минимум мой добрый учитель считал, что я стану выдающимся. Предоставляю потомкам судить, заслужил ли я право на это звание, что бы оно ни значило.

В Лансинге я был зачислен на факультет директора, преподобного Х. Т. Баулби, человека строгих викторианских взглядов. Я восхищался твёрдостью его убеждений. Лансинг был одной из вудардских школ², предназначенных для детей духовенства, и образование там не блистало качеством. Как следствие, мне ничего не стоило год за годом быть среди первых учеников — за исключением шестого класса, где я проучился всего год и откуда отчислился раньше времени, как только мне исполнилось семнадцать. За посещением церкви в Лансинге следили фанатично. Нам полагалось ходить на службу дважды в день по будням, а в воскресенье иногда до пяти раз. Большинству учеников этих посещений хватило до конца жизни, и они навсегда теряли интерес к внешней стороне религии. Когда пришло время, я отказался от конфирмации, причём это отклонение от нормы было необъяснимо для нашего ограниченного директора. Он предупредил меня, что с таким отношением мне не добиться в школе успеха и не заслужить авторитета. Тогда я стал убеждать отца, который сам был агностиком, что с точки зрения образования я зря трачу время и лучше бы мне сразу поступить в университет. Настоящую при-

¹ **Море** (греч.).

² **Вудардские школы** — объединение из 19 наибольших независимых англиканских школ Великобритании. История ассоциации началась в 1847 году, когда священник англиканской церкви Натаниель Вудард (Nathaniel Woodard) основал школу для мальчиков из бедных семей.

чину такого решения я не раскрыл. Уговорить отца было несложно: после жёсткого всестороннего образования, полученного на континенте, он не особенно верил в достоинства английских частных школ, и я ушёл из Лансинга в 1921 году, после четырёх лет учёбы.

Для Лансинга эти годы, с 1917-го по 1921-й, были особенными: два из них совпали с Первой мировой войной, и только к концу этого срока молодые и годные к военной службе мужчины вернулись со службы и снова заняли свои учительские посты. Тем не менее, даже в начале учёбы у нас были неплохие наставники — правда, не так много. Например, среди них выделялся некий мистер Томлинсон, человек выдающегося ума и член Королевского общества, которого насильно заставили учить нас математике. Мистер Томлинсон был очень стар и очень высок ростом. С нами он справиться не мог, и мы порядком испортили ему жизнь. Нашему же воспитателю И. Б. Гордону, упомянутому выше, я всегда буду благодарен: он заметил, что мне одиноко и сложно освоиться на новом месте. Подобная доброта всегда производит на людей глубокое впечатление и часто бывает вознаграждена. Гордон был ярким поклонником Фомы Аквинского и владел собственным ручным печатным станком.

Война имела для нас одно вполне ожидаемое последствие: нам приходилось посвящать многие часы занятиям в Офицерском корпусе. После того как в 1918 году объявили мир, у всех, кроме убеждённых милитаристов, эта обязанность вызывала резкое недовольство. В наших рядах начались мятежные настроения. Мальчик-ирландец по имени Флинн, наблюдая как-то раз за парадом из окна верхнего этажа, швырнул вниз кусок мыла, и тот с фантастической точностью приземлился прямо на ботинок командующего. Присутствующие, за исключением, конечно, ответственных лиц, были в полном восторге. За это и ряд других, менее значительных,